

Н. В. ШАРЛЕМАНЬ

Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“

Работая над изучением зоогеографии и истории фауны Украины, автор настоящего исследования, для того чтобы восстановить животный мир Киевской Руси, обратился к литературным источникам и памятникам изобразительного искусства. В настоящей статье естественно-исторические элементы „Слова о полку Игореве“ привлекаются для объяснения некоторых его поэтических образов и „темных мест“.

Краеведческие элементы в тексте „Слова о полку Игореве“ занимают почетное место. „Зооморфологический орнамент“, по определению проф. В. Ф. Ржиги, составляет основной фон Слова. Зоологу-фаунисту Слово дает много материала; целый ряд сведений найдет в нем флорист и географ. Для историко-литературного освещения Слова этот материал представляет исключительную ценность: в свете его становится ясно, что многие поэтические образы Слова, его метафоры и символы возникли в сознании автора, чуткого наблюдателя окружавшей его природы, претворившего свои впечатления в художественные картины, умело соотнесенные с изображаемыми историческими событиями.

В насыщенном конкретными данными Слове животные, — за двумя-тремя исключениями, дикие, среди которых преобладают охотничьи звери и птицы, — упоминаются свыше 80 раз. Древние источники свидетельствуют, что добывание зверя на мех и на мясо и ловля птицы на мясо составляли один из важнейших промыслов населения Киевской Руси. Даже в ближайших окрестностях Киева, по свидетельству Повести временных лет, „бшае около града лес и бор велик и бяху ловяща зверь“ (по изданию 1926 г., стр. 8—9). Охотничьи сюжеты в стенописи Софийского собора в Киеве, Русская правда и Поучение Владимира Мономаха также свидетельствуют о большом экономическом значении охотничьего промысла в древнее время. Еще в XVIII в. были на Черниговщине специализированные цехи охотников: бобровники, гоголятники, соколятники. Раньше были еще и пардусники.

Автор Слова, надо полагать, был сам охотником, в частности ловцом-соколятником; он прекрасно был знаком со всем охотничьим обиходом. Сравнение героев с соколами — его излюбленный прием. Из более чем 80 упоминаний животных на долю сокола приходится 15 (и однажды назван кречет). Привычки сокола автор знает превосходно, и это знание отражено им в ряде высоко художественных образов. В „златом слове“ Святослава: „Коли соколъ въ мытєхъ бываєть, высоко птиць възбиваєть, не дасть гнѣзда своего в обиду“. Выражение „въ мытєхъ“ и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников; этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости.¹ Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута.

Наблюдательный знаток природы сказался и тогда, когда автор Слова создал следующее уподобление „буести“ князей Романа и Мстислава: „яко соколъ на вѣтрєхъ ширяєся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти“. Крупные хищные птицы могут „ширяться“, т. е. парить преимущественно тогда, когда есть течение воздуха. Только с развитием авиации выяснился механизм парящего полета птиц, когда на крыло, согласно принципу так называемой „пластинки Филиппса“, действуют две силы: встречное давление воздуха и вес птицы. От взаимодействия этих сил птица, не двигая крыльями, летит вперед. Термин „ширяться“ сохранился в украинском языке, как единственное слово для обозначения парения.

Мысль об углубившемся в степь войске Игоря вызывает снова у автора образ сокола: „О! далече зайде соколъ, птиць бя, къ морю“. Это утверждение вполне отвечает привычкам сокола-сапсана (*Falco peregrinus Tunst.*), который, вслед за стаями диких уток, осенью улетает к Черному и Азовскому морям — местам зимовок большинства видов наших северных уток. Соколы, упомянутые в Слове, повидимому, принадлежат преимущественно к сапсанам и кречетам. Об этом свидетельствует следующий отрывок: „полете соколѡмъ подь мьглами, избивзя гуси и лебеди“. Третьего нашего сокола — балобана (*Falco cherrug Gray*) реже употребляли для ловли таких сильных птиц, как гуси и лебеди. Их могли бить, преимущественно, сапсаны, более крупные самки и кречеты. Кречет, кречат или кричат, как его иногда называют в древних источниках, был, повидимому, норвежский кречет (*Falco gyrfalco L.*). Из Скандинавии эту ценную ловчую птицу привозили на юг в княжеские охоты („сизый кречет“ часто упоминается в украинских думах XVI—XVII вв.). Ловчие птицы — сокол, кречет и ястреб — дорого ценились в Киевской Руси. В Русской Правде за кражу ловчей птицы был

¹ Нельзя поэтому признать правильным перевод Жуковского: „сокол в мытєхъ“ — „сокол ученый“.

определен штраф в три гривны, тогда как конь в XII в. стоил от одной до двух гривен. Победивши врага, прежде всего в виде дани требовали отдать ловчих птиц. Эти птицы не только развлекали хозяина, но и приносили ему значительную пользу. Еще и в наше время ловчий беркут или сокол в Казахстане стоит дороже доброго коня.

Немало труда положили комментаторы Слова на объяснение эпитета „не худа гнѣзда шестокрильци“, сопровождающего обращение к князьям Ингварю и Всеволоду. „Шестокрильци“ повидимому, тоже соколы, у которых обычное для большинства птиц (кроме страусов, киви и пингвинов) деление оперения крыла на три части (большие маховые — *remiges I*, малые маховые — *remiges II* и крылышко — *alula*) особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда — „шестокрильци“.

После сокола из птиц наибольшее внимание уделено в Слове лебедям (шесть упоминаний). Лебедь был, повидимому, излюбленной птицей для охоты, желанной добычей ловца-соколятника. На лебедей, гусей и уток охотились не только для развлечения, но „избивали“ их к „завтраку, обѣду и ужинѣ“. Кроме лебедя-шипунa (*Cygnus olor* Gm.), гнездящегося еще и в наше время в устье Днепра и Днестра, а в старые времена распространенного по всему южному краю, в Слове, надо полагать, упоминается и северный лебедь-кликун (*Cygnus cygnus* L.). На это, указывает образное сравнение струн Бояна с лебедями: „который дотечаше, та преди пѣснь пояше“. Лебедь-кликун прославился своим мелодичным криком — „лебединой песней“. Одно из научных названий этого вида лебедя — *Cygnus musicus* — отмечает его крик. Воспоминанием о нем навеян и другой образ Слова: „крячать тѣльгы полунощы, рци, лебеди роспужени“. Осенью, когда лебеди-кликуны тысячами летят зимовать на Черное и отчасти на Азовское моря, темными ночами от криков этих могучих птиц и в наше время порою нельзя уснуть в приморских селах, над которыми лебеди пролетают.

Дважды упоминается в Слове нырковая утка-гоголь (*Vesperhala clangula* L.). Название дополняется цветовым признаком — „белый“ („бѣлымъ гоголемъ на воду“) и характерной повадкой („стрешаше его гоголемъ на водѣ“). Охотники и птицеводы хорошо знают, что гоголь — одна из наиболее осторожных птиц: держась на открытой воде, он еще издали замечает человека и улетает, громко свистя крыльями. Точно так же чутки чайки („стрешаше его... чайцами на струяхъ“), повидимому, речные чайки (*Larus ridibundus* L.), встречающие весною назойливыми криками всякого, кто приближается к реке. Вельма чутки и „чръняди на ветрѣхъ“. Чернеть (*Nyroca*) — сборное родовое название нескольких видов нырковых уток (*Fuligulinae*). Ап. Майков неудачно заменил „белого гоголя“ Слова „серой уткой“, а „чернедь“ — „чирком“, исказив смысл эпизода. Перечисленные птицы, по нашему пониманию, должны были предупреждать Игоря о приближении людей, когда он во время бегства отдыхал на берегу Донца („стрешаше“). В давние времена, когда в пой-

мах южных рек еще в изобилии росли старые деревья, гоголь гнезвился в их дуплах в большом количестве. Специальный цех охотников-гоголятников, ловивших этих птиц, существовал на Черниговщине еще в XVIII в.

Упоминается в Слове и ряд птиц, не имеющих экономического значения. Можно с известной уверенностью допустить, что под „сизым орлом“ автор понимает орла-беркута (*Aquila chrysaetos* L.), которого во многих песнях и в разговорной речи и теперь еще на Украине называют „сизий орел“. Но в выражении: „орли клетомъ на кости звѣри зовуть“ предположительно можно определить другую птицу — орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla* L.), чаще других видов питающегося падалью; его клетот приходится слышать чаще, чем других орлов. Белохвосты еще гнездятся в последние годы в долинах Донца и Дона, т. е. в районе действий войска Игоря.

Четыре раза в Слове упомянут ворон — то с определением „черный“, то „бусый“. В первом случае идет речь о черном вороне (*Corvus corax* L.), охотно питающемся падалью и трупами. „Бусые“ вороны, вслед за Далем, переводим, как „серодымчатые“ (в этом значении „бусый“ употребляется иногда и теперь на Украине). Серые вороны собираются в местах их массовых ночевок, издавая неприятное карканье, тогда как черные вороны не собираются на ночевках в стаи, и ночного „гряния“ их не бывает. Поэтому во сне Святослава выражение: „Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху“ следует относить к серым воронам, а не к черным, как в переводе А. Югова. И черные и „бусые“ вороны охотно питаются трупами, поэтому собираются во множестве на местах сражений, о чем упоминает и Слово: „часто врани гряхуть, трупиа себѣ дѣляче“. Потому-то этих птиц издавна считали зловещими, и автор Слова, говоря о поражении русских, усиливает настроение печали, вводя упоминание о воронах. Врановые птицы часто каркают, кружась над каким-нибудь местом — „играя“ в воздухе. На Украине есть выражение: „крук (ворон) грає над лісом“.

Четыре раза в Слове называются „галици“ — галки (*Coloeus tenebricola* L.): „говоръ галичь убуди“, „галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие“, „галици стады бѣжать“, „галици помлѣкоша“. Эти выражения точно передают характер крика и повадки галок. В криках собравшихся в стаю галок можно услышать приятные гласные звуки, напоминающие человеческий говор („свою рѣчь говоряхуть“). Непонятно, почему А. Югов дважды перевел „галици“ — галки, а дважды „галичане“!

Характерно определено в Слове стрекотанье сорок: первый раз с ним сравнивается разговор Гзэка и Кончака: „а не сорокы втрескоташа“; второй раз тишина в природе, помогающей бегству Игоря, подчеркивается тем, что „сорокы не трескоташа“. Среди древесных зарослей в поймах южных рек сороки (*Pica pica* L.) иногда собираются в таком огромном количестве, что их стрекотание не может не обратить на себя

внимания. Только „трескотанием“, или по-современному, „стрекотанием“, и можно назвать звуки, издаваемые сорокой.

Целая картина природы скрывается в короткой фразе Слова: „Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ“. Дятлы, преимущественно весной, вместо пения или иных звуков, издаваемых в брачную пору птицами, „барабалят“ крепкими клювами по сухим веткам деревьев. Этот громкий характерный звук слышно еще издали, иногда на несколько километров. В степи деревья растут только в балках — долинах речек. Издали не видно речки, спрятавшейся в ложбине, не видно и деревьев, растущих по ее берегам, однако издали слышен стук, издаваемый дятлами. Понявая значение этого признака присутствия деревьев, а следовательно, и реки, Игорь во время бегства из плена легко находил путь к воде, к зарослям, в которых можно укрыться. На родине Игоря, на Черниговщине, леса растут на возвышенных местах; там по стуку дятла не найдешь реки. С повадками дятлов в степной местности автор мог познакомиться в плену или во время побега. Странно, что эта вполне реальная по смыслу фраза вызвала у А. Потебни представление о „гадании по стуку дятла“.

„Зегзица“, с которой сравнивается в Слове тоскующая Ярославна, обычно толкуется как кукушка. Однако следует напомнить, что на Десне между Коропом и Новгород-Северском крестьяне называют местами „гігічкой“, „зігічкой“, „зізічкой“ — чайку, по-русски пигалицу или чибиса (*Vanellus vanellus* L.). Может быть, в данном случае и автор Слова сравнил Ярославну с той птицей, которая издавна на Украине была эмблемой печали, т. е. с чайкой, как в песне: „Ой біда, біда чайці небозі, що вивели дітки при битій дорозі“.¹ Может быть, эту чайку автор Слова назвал именем „зигичка“, которое в его время, возможно, было более распространено; а позднее переписчиками было славянизировано и превратилось в „зегзицу“. Названия зигичка, гигичка — звукоподражательные, передающие отчасти крик птицы — ки-ги, отчасти звуки, слышимые при взмахмах ее крыльев во время полета — зиг, зиг. О пигалице на Украине говорят, что она „кигикаетъ“ — ср. „кычетъ“ в Слове.

Восемь раз Слово, не называя вида, употребляет общее наименование „птицы“. В некоторых случаях можно догадаться, каких именно птиц имел в виду автор. Когда читаем: „Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубию“, то, повидимому, речь идет о хищниках, собравшихся в дубраве. Эти птицы, следуя за войском, ждут добычи после боя: они своими криками как бы вещают „беды“ войску. Так и в переводе акад. А. С. Орлова: „Уже ведь беды его стережет птица по дубам“. В народном творчестве, в литературе и в живописи давно отмечено, что хищники — четвероногие и пернатые — в древности передвигались вслед за войсками. Отряд двигался медленнее птиц, поэтому они останавливались в лесах на ночлег и отдых. На карканье многочисленных воронов

¹ М. Максимович. Украинские народные песни. М., 1834.

и ворон, на клетот белохвостов, „ржание“ коршунов автор и указывает в приведенном эпизоде.

По фразе: „дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ“ можно догадаться, что речь идет тоже о хищниках, питающихся трупами. Когда орлан-белохвост или гриф, паря „под облакы“, увидит труп, он камнем бросается на землю и, опустившись на свою находку, как бы прикрывает ее, „приодевает“, по образному выражению Слова, своими широко распростертыми крыльями. Этим движением хищник заявляет свое право на добычу, удерживает на известном расстоянии других зверей и птиц. Во времена похода Игоря грифы, возможно, встречались довольно часто на Руси. Их еще в XVII в. находили на гнездовании на Воляни,¹ а в середине XIX в. — на скалах Днестра.² И даже в начале XX в. гнезда белоголовых грифов и стервятников находились на среднем Днестре. В восточной части Киевской Руси эти птицы могли гнездиться по меловым обрывам Донца или на выходах гнейсов в Каменных Могилах в нынешней Сталинской области. Птицы, которые „почнуть наку бити в полѣ Половецкомъ“, конечно, тоже хищники, которые в давнее время были опасны для воюющих: раненых в большинстве случаев не убирали с поля битвы, и орлы и вороны часто начинали клевать тела еще живых людей. Этими впечатлениями подсказаны образы умирающего воина и орла, либо ворона в украинских думах XVI—XVII вв.

В фразе: „О! далече зайде соколь, птицъ бья, къ морю“ — следует видеть птиц из семейства утиных; вслед за ними и летят соколы к нашим южным морям. Птицы, которых гроза „убуди“, вероятно, принадлежали к семейству врановых. Разбуженные грозой, эти птицы тревожно мечутся по лесу, громко каркая.

Из четвероногих в Слове чаще всего (11 раз) упоминается „волк“, обычно с определениями „серый“ и „бусый“, т. е. серодымчатый (Жуковский неудачно перевел — „бесовский“). На Украине серого волка местами тоже называли „бусым“. Волк, по выражению Слова, „въ ночь рыскаше“, „вльци грозу въсрожать по яругамъ“. Этим точно отражены привычки зверя: волк — ночное животное и в поисках добычи должен пробегать большие пространства. Внимание, уделенное автором Слова именно волку, свидетельствует о том, что в жизни населения Киевской Руси этот зверь имел большое значение: он был врагом развивающегося животноводства. Волков было много, и позднее, например в XIII в., их добывали в таком количестве, что из шкур (вероятно, из голов) делали шлемы для вывоза в западноевропейские страны.

Тур, преимущественно как эпитет к имени князя, повторяется в Слове пять раз. Под этим названием в древних источниках, повидимому, фигу-

¹ K z a s z y ŋ s k i. *Historia naturalis etc.* (1721). Книга издана спустя сто лет после ее написания.

² К. Кесслер. *Естественная история губерний Киевского учебного округа*, т. II, 1851.

рируют два вида диких быков: первобытный бык, настоящий тур (*Bos primigenius* Војан.), от которого произошел домашний бык (ближайшим потомком тура считают серого украинского быка), и зубр (*Bison bonasus* L.). На Украине еще недавно крупных быков называли местами турами („погнав турів“, „напувати турів“ — вблизи Умани). Это название для домашнего быка сохранилось и в западных областях Украины — на Галичине. Название „зубр“ в наших источниках, повидимому, не встречается, и зубра от тура как будто не отличали. Об этом свидетельствует следующий факт. Когда византийский наследник престола Андроник Комнин приехал в 1154 г. к галицкому князю Ярославу Осмомыслу, то Ярослав вместе с великим князем киевским и другими князьями устроили для своего гостя охоту „на туров“, как читаем в летописи. В то же время византийский историк по этому поводу писал, что Андроник убивал на Руси „зумпров“ — зверей многочисленных в названной стране и размерами больших, чем медведь и леопард. Настоящие туры в Киевской Руси исчезли рано, а их название было перенесено на зубров, которые вывелись, повидимому, лишь в начале XVII в.

По одному разу в Слове названы лисица, горноста́й, бобр, белка и пардус — но каждое животное представлено с характерными для него признаками. „Лисици брешуть на чръленья щиты“, — читаем в описании начала похода. На Украине в степях, где еще много лисиц, например около Аскания Нова Запорожской области, их лай (укр. „брехання“) на проезжих и теперь еще приходится иногда слышать. Горноста́й (*Mustela erminea* L.) на нашем юге чаще всего живет в пойме реки, в кустарнике, а где его нет — в тростнике. Эта особенность зверька тонко подмечена в Слове: „Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию“. Бобр (*Castor fiber* L.) в XII в. был широко распространен на Руси. Его мех дорого ценился и шел на обшивку рукавов и на воротники. В Слове, в плаче Ярославны, упомянут „бебрянь рукавъ“. А. Югов, сохранив определение „бебрян“ в переводе, в „Обосновании перевода“, однако, пишет: „Как бы омочив рукав «тигровый» (ибо «бабр — бѣбр» — не бобр, а царственный тигр — и Вл. Даль даже зло издевается над этим смешением). . .“¹ Но переводчику следовало бы учесть, что толстой, как у быка, покрытой жесткой шерстью тигровой шкурой никто не вздумал бы обшивать рукава женской одежды, да еще в стране, славившейся обилием бобров. Что же касается „бабра — бѣбра“, то этими словами называют курды и туркмены тигра, русские охотники — тигра и леопарда, но не в Киевской Руси в XII в., а в Восточной Сибири в XIX в.² Непонятно, почему А. Югов стал искать корень слова „бебрян“ так далеко от истины. Ведь „бѣбр“ и „бобр“ на древнерусском языке синонимы. Это название созвучно санскритскому *babru*, белорусскому бабер, литовскому *babru*, *bebris*, а также большинству названий этого зверя на древних и современных языках Европы и передней Азии.

¹ Слово о полку Игореве. 1915, стр. 163.

² А. Черкасов. Записи охотника Восточной Сибири. 1883.

„Бѣль“ — белка упомянута в Слове в следующем отрывке: „А князи сами на себе крамолу коваху; а погании (т. е. половцы) сами побѣдами нарищуше на Рускую землю, емляху дань по бѣль отъ двора“. Белка, как об этом свидетельствуют древние источники и стенопись Софии в Киеве, была объектом промысловой охоты с собакой типа современной лайки. Добыча белки была массовой, и дань платили преимущественно беличьими шкурками: „Козари имаху на Полянехъ, и на Сѣверѣхъ и на Вятчѣхъ, имаху по бѣльи вѣвериць отъ дыма“ (Повесть временных лет, под 859 г.). „Бѣльи вѣвериць“ иногда читали как два равнозначущие слова: „по бѣль и вѣвериць“, вследствие чего получилось повторение двух названий одного и того же предмета, тогда как в данном случае мы имеем лишь определение „бѣльи“ к названию „вѣверица“, зимний мех которой только и имеет ценность; поэтому и в древности лишь он шел на уплату дани и для других расчетов. Рыжий летний непрочный мех не имел ценности. Определение-прилагательное „белый“ в конце концов заменило существительное, и старое славянское название вевериця, векша (укр. вивірка, польск. wiewiórka) исчезло, уступив имени белка. В более поздние времена промысловая охота на белку пришла в упадок. Фрагмент изображения такой охоты сохранился на стенописи Софии киевской. В Киевской Руси бѣль или белка была мелкой денежной единицей. А. Югов искажил Слово, переведя „бѣль“ — „горностаи“ (стр. 146—147), хотя в подкрепление своего толкования и привел довольно большую литературу. Автор Слова прекрасно знал зверей и приводил их под точными, сохранившимися до наших дней названиями. Горностаи он упомянул именно под этим названием. Добыча горностаи, принимая во внимание его узкую локализацию в природе, не могла быть массовой, и когда Владимир I приказал платить церкви „десятая“ векша от князя суда, то это, конечно, была белка, а не горностаи; так же точно и хозары, собирая дань „бѣлыми веверицами от дыма“, получали зимних белок, а не горностаев.¹

Некоторые комментаторы и переводчики Слова (Е. Барсов, Ап. Майков, Н. К. Гудзий, А. Югов и другие) в выражении „растѣкшется мысию по древу“ (ср. трижды „пѣсь“ вместо „пѣсны“) пытались видеть белку — мышь. И. Новиков,² вслед за Е. Барсовым, на том основании, что где-то в б. Псковской губернии словом „мысь“ (фонетически соответствующим слову мышь) называют иногда летягу — „летучую векшу“ (как пишет автор), — утверждает, что „мысь“ Слова и есть летяга (*Pteropus volans* L.). С этим толкованием нельзя согласиться. Не удивительно, что мало заметную и редкую в Псковской области летягу народ называет сборным именем „мышь“ или „мысь“ по местному произношению. Так и на Украине „мышами“ иногда называют тоже мало заметных ночных грызунов — сонь (*Muoxidae*), живущих, подобно летягам, на деревьях.

¹ Не соглашаюсь с трактовкой акад. Б. Д. Грековым „бели“ как „серебряной монеты“.

² Слово о полку Игореве. М., 1938, стр. 89.

Немцы мышами называют и таких далеких от мышей зверьков, как суслик (*Zieselmaus*) и слепыш (*Blindmaus*). Было бы, однако, удивительно, если бы автор Слова, составленного, без сомнения, где-то в пределах Новгород-Северской земли (об этом свидетельствует знание автором своего края и прилегающего к нему Северского Донца, где лежат нет и не было), — упомянул бы этого никому не известного здесь зверька. Метафора „мышь-летяга“ была бы непонятной для местного читателя. Нельзя согласиться и с поправкой Ф. Е. Корша: „растькашется рысию по древу“, так как рысь не принадлежит к зверям, способным „растекаться“, т. е. стремительно носиться по дереву. Безусловно правы исследователи, читающие „мышь“ в данном эпизоде — „мышль“. Ведь несколькими строками ниже мы встречаем выражение „мыслено древо“.

Пардус Слова, или гепард, как мы теперь называем этого зверя, не принадлежал к составу дикой фауны Киевской Руси. Можно думать, что его привозили с юго-востока; пардуса хорошо знали в древности. Летописец сравнивает с ним князя Святослава: „легько ходя, аки пардусь“ (Повесть временных лет под 964 г.). В 1139 г. Святослав Ольгович подарил своему зятю Юрию Долгорукому пардуса: „ѡха напередь къ Гюргеви и да ему пардуса“ (Ипатьев., под 1159 г.); „Да Святослав Ростиславу пардуса и два коня борза“ (там же). Интересно проследить, как историки и комментаторы Слова и других древних источников колебались в истолковании упоминаний о пардусе: то они полагали, что князья дарили друг другу лишь шкуры пардусов (Карамзин), то отождествляли пардуса с рысью (Аристов), с барсом (С. Шамбинаго, В. Ржига, Г. Шторм и другие), с „выводком барсов“ (А. Югов), с леопардом. Ближе всех к истине подошел И. Новиков, отметивший, что слово пардус нельзя переводить как барс, что пардус — это гепард или охотничий леопард, как еще неправильно его называют. Но и И. Новиков ошибся, полагая, что в Слове идет речь об африканском гепарде (*Acinonux guttatus Fenn.*), будто бы встречающемся у Каспийского моря на Усть-Урте. В действительности же в Слове и в иных древних источниках фигурирует азиатский гепард или чита (*Acinonux venaticus Smith.*). Этот вид и теперь еще водится в незначительном количестве на восточном берегу Каспийского моря, в Мангышлакских горах и в Туркестане.¹ Чаще он встречается в Афганистане и Иране. Вторая ошибка И. Новикова и других переводчиков состоит в том, что они слово „гнездо“ переводят „стая“. В действительности же автор имел в виду не стаю гепардов, а гнездо — семью, выводок (в этом значении слово гнездо употребляют охотники и в наше время). Для гепардов весьма характерно выходить на охоту „гнездом“ — семьей или выводком, а не стайей. Кстати, ни один из представителей зоологического семейства кошек (*Felidae*) не выходит на охоту стайей: кошки всегда преследуют добычу либо

¹ По новейшим данным, в настоящее время встречается лишь в южной Туркмении см.: Бобринский, Кузнецов, Кузякин. Определитель млекопитающих СССР. М., 1944, стр. 161.

в одиночку, либо в паре, либо „гнездом“. Правильно поэтому перевел данное выражение Ап. Майков: „пардусовы гнезда“. Кроме свидетельств древних литературных источников, на стене киевской Софии сохранилось изображение трех гепардов („гнездо“), из них два гепарда повергли на землю дикого коня-тарпана или, возможно, дикого осла-онагра; третий — гонится за диким конем. За ним спешит охотник с копьем.

Охотничьи гепарды или пардусы, как их называли в древности, широко применялись для охоты. Иосиф Барбаро в 1471 г. видел у князя Армении сотни этих зверей; владетельные лица Монголии имели такое большое количество гепардов, что порою их брали до тысячи на одну охоту. Гепарды попадали не только к русским, но позднее и в Западную Европу (XVII—XVIII вв.). Еще в наше время при княжеских дворах Индии держат этих зверей; их ловит и дрессирует специальная „каста“ людей. Следует отметить, что и на Руси существовали специалисты по уходу за гепардами — пардусники; о них упоминается в ханских ярлыках (Арислов). Возможно, что пардусы попадали к князьям как военная добыча или как дань от побежденных кочевников. Повидимому, русские имели пардусов еще в XI—XII вв., так как именно с этим зверем летописец сравнил Святослава, уловив сходство в легкости их движений. Однако в Киевской Руси гепарды, видимо, были редкостью и владели ими лишь некоторые князья. Поэтому в „Русской Правде“, где упоминаются соколы, ястребы, охотничьи собаки, кони и охотничья снасть для ловли дичи, о пардусах сведений нет. Предположение акад. А. С. Орлова, будто „лютый зверь“, о котором говорят Слово и Поучение Владимира Мономаха, а также Летописи, есть зверь „из породы пардусов“, безусловно ошибочно. Прежде всего пардусы или гепарды в Киевской Руси не водились в диком состоянии, поэтому пардус не мог „скакнуть на бедра“ Мономаху. Далее, случаи нападения пардуса-гепарда на человека неизвестны в литературе. В древнее время, как уже отмечено, держали для охоты дрессированных гепардов, так называемых „пардус кротких“.¹ В киевской Софии на стенописи есть две сцены нападения зверей на конных охотников — но это волк и медведь. Волк изображен прыгающим на бедро охотника, поэтому „лютым зверем“, нападавшим на Мономаха, вероятнее также считать волка. Как вообще охотились с гепардами, видно из иранской литературы и старинных миниатюр. Гепардов и ловчих птиц брали с собой даже в походы, как об этом можно заключить из поэмы Абуль Касим-Туси „Бижан и Маниже“²

С собою гепардов он взял, соколов,
К охоте веселой в дороге готов.
Он мчался как лев, полон гнева и сил,
Онагров, оленей нещадно рубил.
Гепарды кидались на ланей степных,
Когтями сердца вырывали у них.³

¹ Александрия, стр. 89.

² Литература Ирана, 1935, стр. 95

³ Перевод Дьяконова.

Гепардов или чит вывозили на ловлю, как и теперь еще их вывозят в Индии, на повозках; иногда охотник сажал гепарда позади седла на круп своего коня; иногда гепарда несли на носилках, как это видно на многочисленных миниатюрах, материях и коврах и на ряде современных рисунков (преимущественно в английских охотничьих изданиях).

В Слове упоминаются иногда звери без точного обозначения их породы, однако не трудно догадаться, о ком именно говорит автор. Так, И. Новиков имел полное основание утверждать, что „свист зверин“ — это свист сурков и сусликов.¹ Местность на пути Игорева войска еще сравнительно недавно была густо заселена байбаками (*Marmota bobak Müll.*). Как указывал Боплан,² в XVII в. эти зверьки были распространены на Украине к западу до Днепра. В наше время они еще живут отдельными колониями, иногда в несколько тысяч штук, в Старобельском округе и в Велико-Бурлуцком и Волчанском районах на Харьковщине. На восток от Донца их количество постепенно увеличивается. В огромном числе на пути Игоря жили и живут еще и теперь суслики: крапчатый (*Citellus suslica Guld.*) — к северу от колена Донца и серый (*Citellus pygmaeus Pall.*) — к югу от него. Суммарным выражением „свист зверин“ автор отмечает производимые названными грызунами звуки, так как свистели и байбаки и суслики. В несметном количестве водились эти грызуны в то время, когда степь еще не была распахана, и издавали громкий свист, когда их что-нибудь волновало. Предположения Е. Барсова, что в Слове отмечен свист волков, и акад. А. С. Орлова, что свистеть могли какие-то „kozy“, возможно, сайгаки, ни на чем не основаны. Ни „kozy“, ни волки не свисят. Автор Слова превосходно знал привычки зверей, и словом „свист“ он не мог охарактеризовать вой волков или бляение коз. Байбаки и суслики — дневные животные — показываются из нор и начинают свистеть только после восхода солнца. Поэтому фраза — „свист зверин вста“ означает, что ночь прошла и наступило утро. Здесь мы видим пример „поэтической лаконичности автора, ясной для его современников и скрытой для поздних поколений“.³

В предложении: „а звери кровь полизаша“ речь идет, по всей вероятности, о лисицах: как случилось это наблюдать автору настоящей работы, лисицы не пожирают трупы людей, а только лижут кровь и откусывают пальцы.

В Слове приведено название одного пресмыкающегося: крупной змеи — полоза. В местах, где проходило войско Игоря, водятся три вида полозов (*Coluber jugularis Pall.*, *Elaphe dione Pall.*, *Elaphe quatorlineata Lec.*). Название „полоз“ — не книжное, а широко распространенное, народное. Полозы, или, по выражению Слова, „полозие“, и в настоящее время нередко встречаются в Приазовских степях, а еще недавно,

¹ И. Новиков, ук. соч., стр. 99.

² Beauplan. Description d'Ukraine. A Rouen, 1660.

³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 12.

когда много было целинных степей, полозы водились в таком огромном количестве, что поселенцы бросали из-за них свои земли и переселялись на новые места, боясь этих безвредных животных. Трудно вообразить, сколько их было в XII в., когда степь еще не была тронута человеком. Полозы, несмотря на свои крупные размеры (некоторые экземпляры доходят почти до двух метров в длину), быстро и бесшумно скользят среди степной травы. Автор Слова, с большим знанием природы, использовал эту особенность полозов, чтобы подчеркнуть тишину в степи во время бегства Игоря: все животные молчали и, не нарушая тишины, „полозие ползоша только“. На родине Игоря, на Черниговщине, полозы не водятся и никогда не водились; с ними автор мог познакомиться лишь в степях.

К сожалению, фразу „полозие ползоша только“, правильно приведенную в первом издании Слова и его перепечатках, исказили позднейшие издатели и комментаторы Слова. А. А. Потехня, не считаясь с конкретным изображением природы, видел здесь „пестрого дятла“. Змей он отрицал, так как, по его мнению, „сомнительна в авторе Слова о полку мелочность изображения“.¹ Птицу „ползика“ предлагал видеть в „полозие“ В. С. Миллер,² забывая, что птицы поползни (*sitta*) — типичные лесные животные, которых не только в степи, но даже на юге лесостепи нет. И. Новиков пытался тоже доказать, что „полозие“ это „ползик“ — „видимо местное название поползней“.³ А. Югов счел необходимым заменить конкретное название „полозие“ обобщенным — „змеи“.⁴ Некоторые комментаторы считали, что следует переставить буквы и читать фразу так: „сороки не трескоташа, по лозию ползоша только“. Надо слишком мало знать сороку, чтобы допустить, что она может ползать, да еще „по лозию“. Жуковский перевел эту фразу совсем неудачно: „Сороки не стрекотали, ползком ползали только“. Предлагали объединить данную фразу с началом следующей и читать: „по лозию ползоша только дятлове“. Дятел „по лозию“, т. е. по кустарниковой иве, не ползает, да и вообще его передвижение по коре нельзя назвать ползанием. Кроме того, дятел не пригоден для подчеркивания тишины, как это требовалось по замыслу автора, так как он либо громко стучит, либо звонко покрикивает. Таким образом, домыслы комментаторов только затемняли первоначальный вполне ясный смысл данного эпизода.

Уделив особенное внимание охотничьим зверям и птицам, автор Слова прекрасно передал и охотничью терминологию своего времени, частично сохранившуюся в языке и до наших дней. И современный охотник редко скажет: „волк бежит рысью“, а чаще употребит выражение „волк трусит“, „бежит трусцой“ или „рыщет“. Так и в Слове: „влькомь рыскаше, влькомь прерыскаше“, „дорыскаше“, „нарыщуце“.

¹ Слово о полку Игореве. Изд. 2-е, Харьков, 1914, стр. 146.

² Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877, стр. 245—246.

³ И. Новиков, ук. соч., стр. 156.

⁴ А. Югов, ук. соч., стр. 97.

В современном охотничьем языке еще сохранились термины „дорыщ“, „отрыщ“, т. е. поймай, возьми и оставь, отойди. Так приказывают гончим или борзым собакам, когда хотят, чтобы они взяли зверя или остановились, перестали давить свою добычу. Термин „нарыск“ обозначает след лисицы.

К охотничьей терминологии должно быть отнесено выражение „след править“: „Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣлкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому“. „След править“ значит передвигаться друг за другом, след в след. Так бежит семья, иногда стая волков, ступая след в след (так ходили когда-то индейцы).

„Гнездо“ в смысле выводок, семья, пять раз упомянутое в Слове, также относится к охотничьим терминам. Еще в наше время его употребляю, когда говорят „гнездо“ волков. В обыденной речи значение этого термина сузилось и свелось к понятию о птичьем гнезде или логове зверя. Но в художественной литературе есть такое же метафорическое применение, как в Слове: „птенцы гнезда Петрова“ (ср. „Ольгово гнездо“).

Сокол в Слове не ловит добычу, как выразился бы современный писатель — не охотник, а бьет — „избивает“ ее: Игорь „полетѣ соколомъ подѣ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужиѣ“. Это вполне соответствует повадке сокола: он с такой стремительностью нападает на преследуемую им птицу, что ударом вытянутых вперед лап, вооруженных длинными когтями, наносит смертельные раны, часто убивает ее с одного удара. Иная повадка у ястреба. В Слове ястреб не упоминается. Но в рассказе о походе Игоря в Ипатьевской летописи, где описывается его пребывание в плену, читаем: „где хоцетъ, ту и ездяшетъ и ястребом ловяшетъ“ — ястреб не бьет, а ловит свою добычу.

„Лебеди роспужени“ соответствует современному — „дичь распугана“.

Соколов „опуташа в путины желѣзны“, „соколца опутаевѣ“ — читаем в Слове, в соответствии с современным охотничьим „путы“, которые надевали ловчим птицам на ноги (позднее путы называли ногавками).

Внимательный наблюдатель природы, автор Слова с изумительной точностью передает своеобразный характер звуков, издаваемых животными — зверями и птицами. Лебедь у него „пояше“ или, будучи вспугнутым, „крычит“; соловей „ущекотал“, его пение — „щекот“; орлы „клектом зовут“, дятлы „тектотом“ „путы кажут“; вороны „граяхуть“; галки „говоряхуть“, их крик — „говор“; зегзица — „кычетъ“; сороки „троскоташа“; кони „ржутъ“; степные зверьки, байбаки и суслики, издают „свист“; „лисицы „брешут“; туры „рыкают“. Этой точностью Слово напоминает украинские думы и песни, где лебедь „співає“ или „ячить“, возуля „кує“, вороны „крячуть“ или „грають“, сокол „квілить“, „поквиляє“, кречет „куркує“, чайка (пигалица) „кигикає“.

„Зооморфологический орнамент“ в Слове, как и вообще все картины природы, имеет не только символическое или метафорическое значение. Природа в Слове реально существует, и естественно-исторические

данные Слова могут быть использованы натуралистом так же, как соответствующие страницы произведений поэтов-охотников — С. Аксакова, И. Тургенева, в наши дни — М. Пришвина, Арсеньева и других писателей-пейзажистов. В целом Слово не только гениальное литературное произведение, но и своеобразный источник по краеведению. Кроме точной номенклатуры и терминологии, в нем легко обнаружить точные биогеографические и фенологические элементы, полностью отвечающие действительности, т. е. условиям места и времени года.
